

ОТЗЫВ

официального оппонента

о диссертации *Граневой Ирины Юрьевны* «Русские личные местоимения в свете интегрального описания языка: коммуникативно-прагматические, лингвокультурологические и когнитивно-дискурсивные аспекты», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык (Нижний Новгород, 2021). 498 с.

Актуальность исследования И.Ю. Граневой не вызывает сомнений.

Уже в самой теме отражены те аспекты, которые связаны с современными направлениями лингвистики, приоритетный статус которых обусловлен антропоцентрическим подходом к описанию языкового материала. Актуально и значимо то, что данные аспекты имеют взаимодополняющий характер, что логично и теоретически обоснованно для их рассмотрения в единстве и целостности в рамках интегрального осмысления и описания личных местоимений как языкового объекта. Это позволяет более глубоко осмыслить их языковую репрезентацию и те механизмы, которые объясняют как антропоцентрическую природу самих личных местоимений, так и их описание в свете антропоцентрического подхода к языку. Другими словами, сам антропоцентризм предстает в двух ипостасях – в самом объекте и способах его изучения. В этом случае актуальным оказываются не только частные исследовательские подходы к описанию данных аспектов, но и общее направление в описании личных местоимений, которое позволяет продемонстрировать *развитие и эффективность комплексного подхода в методологическом и теоретическом плане*, когда единство представляющих его аспектов обеспечивает полноту и системность описания языкового объекта в целом.

Следует заметить, что комплексный подход таит для исследователя определенную опасность: он может быть использован как набор существующих безотносительно друг к другу описаний, которые оказываются самоцелью в общем интегративном описании. В отношении диссертации И.Ю. Граневой можно со значительной долей уверенности утверждать, что многоаспектность как основа комплексного подхода осмыслена и представлена в виде действенного способа описания личных местоимений, в качестве результативного метода исследования.

Несомненно, мотивированным и обоснованным следует признать **выбор** *личных местоимений* в качестве **объекта** исследования, но не потому, что они недостаточно изучены, а потому, что личные местоимения, в силу их антропоцентрической природы, «задают основные точки отсчета любого коммуникативного акта», участвуют в его структурировании. По справедливому мнению И.Ю. Граневой, они позволяют «выйти в сферу анализа экстралингвистических факторов их употребления (прагматических, когнитивных, психологических, социокультурных)» (с. 6), которые, на наш взгляд, определяют уже не столько язык как системно-структурное устройство, сколько коммуникацию. В результате правомерным оказывается обращение соискателя к коммуникативному акту, поскольку главное в нем – это *отражение отношений между говорящим и слушающим*. Именно эти отношения, на наш взгляд, обуславливают рассмотрение коммуникации не как одного из наиболее высоких уровней языковой системы, а как *пространства*, которое *интегрирует* в себе языковые и невербальные уровни. В своем единстве они в коммуникативном пространстве отражают мыслительные структуры посредством тех или иных репрезентативных средств. Выбор этих средств и их часто нелинейный характер определяется целями носителя языка, его прагматическими установками, которые сориентированы на функциональные и деятельностные возможности носителя языка. С этой точки зрения личные местоимения оказываются тем объектом исследования, который демонстрирует единство языка, речи и коммуникации, что и определяет правомерность и обоснованность их интегрального описания в диссертации И.Ю. Граневой.

В связи с этим достаточно четко и полно определена **цель исследования**, которая, естественно, сориентирована прежде всего на применение коммуникативно-прагматического подхода, но с учетом его взаимосвязи с лингвокультурологическим и когнитивно-дискурсивным подходами (с. 7-8).

Для достижения этой цели последовательно решаются системные **задачи**, концептуальный характер которых не вызывает сомнений. Их решение последовательно представлено в структуре исследования.

Что же касается сформулированной **рабочей гипотезы** исследования, то она отражает связь с целью и задачами исследования и включает в свое

содержание аспект, требующий доказательности определенными результатами.

Не вызывает сомнений *обоснованность результатов и выводов языковым материалом*, его тщательная и детальная проработка. Различные языковые источники делают обоснованными выводы о результативности рассмотрения личных местоимений в коммуникативно-прагматическом описании с учетом интерпретирующего характера лингвокультурологического и когнитивно-дискурсивного подходов.

Таким образом, в своем единстве *объект и предмет его описания, цель и задачи исследования, а также источники языкового материала соответствуют специальности «русский язык».*

О соответствии рецензируемого исследования *статусу докторской диссертации* свидетельствуют положения, выносимые на защиту, новизна и теоретическая значимость работы.

Все **положения, выносимые на защиту**, имеют результативный характер и различную степень новизны, сориентированы на тему исследования и подтверждены языковым материалом. При этом некоторые положения развивают идеи и концепции предшественников (положения № 1, 5, 6, 7), а другие отражают новое авторское осмысление (положения № 2, 3, 4, 8, 9). Это позволяет утверждать, что *степень новизны* диссертации, отраженная в положениях, выносимых на защиту, в целом *соответствует* уровню требований, предъявляемых к *докторским диссертациям*.

Оценивая **теоретические рассуждения** И.Ю. Граневой, отметим, что они осмыслены соискателем, систематизированы и нашли последовательную реализацию в языковом материале. При этом важно и ценно то, что эти рассуждения были ориентированы на анализируемые аспекты, на то, что имеет значимость для описания личных местоимений, которые как бы пропускаясь через аналитический фильтр теоретических положений различных концепций и идей. В результате обоснованность теоретических рассуждений в рамках данной проблематики не вызывает сомнений, что не исключает дискуссионного момента в оценке авторской позиции. В этом плане показателен параграф 1.3. «Обоснование концепции работы».

Таким образом, И.Ю. Гранева, на наш взгляд, сформировала на основе анализа различных концепций предшественников свою теоретическую

систему, в которой обосновывается выбор ею *методологических основ* исследования, а также *терминологического аппарата* и его понятийного содержания. Единственное, на что мы обратили бы внимание, так это на отсутствие в методологических основах указания на связь исследования с идеями функциональной лексикологии (в частности, научной школы проф. В.В. Степановой).

Оценивая **степень новизны** исследования, отметим следующее. Главное, что определяет уровень новизны, соответствующий статусу диссертации как *докторской*, состоит в *разработке и реализации* на конкретном языковом материале *научного инструментария* комплексного многоаспектного коммуникативно-прагматического описания семантики личных местоимений I и II лица на основе анализа их референциальных свойств и дейктических функций, коммуникативных факторов и прагматических условий их употребления. Его исследовательский потенциал показал высокую эффективность применительно к языковому материалу, представленному функционированием личных местоимений. В результате была разработана классификация типов их употребления в коммуникативном акте. В *новом авторском варианте* представлено осмысление различий между процессами лексикализации, субстантивации и фразеологизации в рамках номинативизации дейксиса, на основе которых также выявлены соответствующие типы употребления русских личных местоимений - лексикализованные, субстантивированные и фразеологизованные. Концептуально значимым и новым *в плане развития идей интегрального описания в лексикографии* стало «лексикографическое портретирование» типов употребления личных местоимений с применением разработанных соискателем специальных индексов для каждого типа употребления.

Теоретическую значимость диссертации И.Ю. Граневой мы связываем, прежде всего, с вкладом в антропоцентрическое изучение языка на основе комплексного анализа, включающего аспекты, которые сориентированы в своем единстве на реализацию дискурсивных, прагматических и культурных компетенций носителя языка. Несомненен вклад соискателя в теорию лексикографического описания, позволяющего дополнить системную (языковую) лексикографическую параметризацию материалом «лексикографического портретирования», учитывающего

когнитивно-дискурсивные смыслы на основе уточненного понятия «тип употребления».

Что же касается *практической значимости*, то она бесспорна и, в принципе, достаточно полно представлена в соответствующей позиции диссертации.

При прочтении любой диссертации возникают **пожелания, вопросы и замечания**. Затронутые в исследовании актуальные проблемы позволяют задать много вопросов, но, учитывая, что вопросы и замечания часто являются следствием разных исходных исследовательских позиций оппонента и соискателя, выскажем лишь те, ответы на которые позволяют уточнить авторскую позицию, поскольку иногда соискатель свои выводы основывает на цитатах и мнениях других исследователей. Это даст возможность быть корректным в оценке исследования с точки зрения непротиворечивости и объяснительной силы.

И.Ю. Гранева в истории изучения местоимений отмечает *2 традиции* (с. 11-12; 27-30). *Первая традиция* выделяет местоимения в особую часть речи, в составе которой личные местоимения выступают как особый разряд. Согласно *второй традиции*, местоимения не являются особой частью речи, и личные местоимения выступают в качестве особой семантической группы слов в составе существительных (местоимения-существительные, или местоименные существительные). Однако, на наш взгляд, *есть еще один подход*, согласно которому местоимения представляют собой особый структурно-семантический тип слов, обозначающих дейксис и образующих *дейктическую систему частей речи*, противопоставленную номинативной системе частей речи (М.А. Шелякин, В.Г. Руделев, А.Л. Шарандин и др.). В этом случае личные местоимения (*я, ты, мы, вы*) оказываются одной из дейктических частей речи – центральной, обозначающей лиц, непосредственно участвующих в коммуникативном акте, и характеризующейся в морфологическом плане несловоизменяемыми категориями лица и числа и словоизменяемой категорией падежа.

Подход, учитывающий соотношение частей речи и структурно-семантических типов слов, определяет нерелевантность дискуссии о месте местоимений в системе частей речи, поскольку существенным оказывается

вопрос о месте местоимений в системе типов слов. По мнению В.В.Виноградова, «выделению частей речи *должно предшествовать* (выделено – А.Ш.) определение основных структурно-семантических типов слов» (Русский язык, с. 31). Поэтому вторичная частеречная характеристика местоимений является следствием их первичного выделения в системе структурно-семантических слов как слов особого типа – дейктических. Структурно-семантические типы слов и части речи – это языковые сущности, которые лежат в разных плоскостях, но при этом обнаруживают взаимосвязи и взаимодействия между собой. Это и демонстрируют, на наш взгляд, личные местоимения в их коммуникативно-прагматических и когнитивно-дискурсивных употреблениях в рецензируемой диссертации. **Вопрос:** как соискатель относится к данной позиции?

2. Означает ли позиция соискателя, согласно которой «в рамках традиционного, системно-структурного подхода невозможно объяснить как специфику категориального значения личных значений местоимений, так и многообразие значений, возникающих у личных местоимений в разных условиях употребления», что структурно-семантический подход к их описанию не является первичным (базовым) в изучении местоимения как части речи? И поэтому системное определение этой части речи с учетом лексико-грамматических характеристик вполне может быть проигнорировано, поскольку первичным и основным в исследовательском плане оказывается коммуникативно-прагматический подход с возможным привлечением других подходов. Положительный ответ соискателя, как нам кажется, присутствует в исследовании (с. 13), но в этом случае возникает **вопрос о взаимоотношениях языка и коммуникации:** язык как многоуровневое системное образование в плане его изучения уступает свое исходное место коммуникативному подходу. В результате реализуется подход «от коммуникации» к «языку». Правильно ли оценивается нами данная ситуация?

Кстати, если принять точку зрения о местоимении как системе дейктических частей речи, то вполне объяснимо, почему местоимение трудно определить с лексико-грамматических позиций, точно так же, как и трудно номинативную систему частей речи квалифицировать однозначно в лексико-грамматическом плане.

3. Выбор в качестве объекта исследования личных местоимений 1-2 лица дает соискателю возможность не отвечать на вопросы, которые находятся за пределами анализа указанных местоимений. С этим можно согласиться. Но, тем не менее, «лично-указательные» местоимения присутствуют в авторском осмыслении «семантического разряда личных местоимений», который «характеризуется трехчленной оппозицией по лицу» (с. 13 АДД). **Вопрос:** что же их объединяет в один разряд, ведь семантика и функция собственно личных местоимений и «лично-указательных» местоимений, строго говоря, различная? И проявляется ли их взаимодействие в коммуникативном акте в рамках описываемых типов употребления?

4. Данный вопрос возникает в связи с осмыслением и описанием динамического подхода к дейксису в рамках его частеречной репрезентации. В этом плане обращают на себя внимание местоименные образования типа *мой, наш*. По мнению И.Ю.Граневой, «Я, ТЫ, МЫ, ВЫ не могут по природе своей выступать в **атрибутивном** нереферентном употреблении, поскольку этот тип нереферентного употребления предполагает указание на характерный признак предмета, т.е. присущ только словам с номинативной семантикой» (с. 113). Действительно, они не могут, будучи представленными в собственно личной форме, но для выражения атрибутивного употребления у них есть особые когнитивные коммуникативно-дискурсивные формы – лично-притяжательные формы типа *мой, твой, наш, ваш*. Ср.: **Я** приехал утром к родителям в имение и **Мой** ранний приезд в имение их обрадовал. При этом, как отмечает соискатель, лично-притяжательные местоимения **МОЙ, ТВОЙ, НАШ, ВАШ** «актуализуются в одних и тех же моделях (выделено – А.Ш.), с аналогичным содержанием и типом образной интерпретации действительности» (с.316). Это, в частности, позволяет нам рассматривать их в качестве не самостоятельных лексем, а особых когнитивно-дискурсивных форм личных местоимений, полученных в результате синтаксической деривации (по Е. Куриловичу). **Вопрос:** что позволяет рассматривать данные лично-притяжательные местоимения в качестве самостоятельных лексем, а не особых форм, обусловленных коммуникативно-прагматическим или когнитивно-дискурсивным употреблением?

5. **Понятие типа употребления** является одним из основных в понятийном аппарате диссертации. Важным моментом в его осмыслении оказывается, на наш взгляд, придание ему не только речевого, но и языкового статуса. По мнению соискателя, «понятие «тип употребления» обобщает традиционные понятия «значение», «оттенок смысла», «лексико-семантический вариант» и др.: имеется в виду определенный тип значения единицы, возникающего в типовых же коммуникативных и прагматических условиях в конкретных речевых актах» (с. 111). Но в этом случае возникает *вопрос* о том, насколько правомерно смысл высказывания, представляющего употребление лексемы, приравнивать к ее лексическому значению, т.е. возникает вопрос о соотношении понятий «смысл» и «значение». Несомненно, всякое значение имеет определенный тип употребления в речи (коммуникации). Но всякое ли употребление формирует самостоятельное значение в лексеме? Показательным в этом смысле оказываются словарные статьи лексем, в которых наряду с отражением ЛСВ представлены употребления, еще не сформировавшие значения лексемы, т.е. употребления, которые так и оставались на уровне смысла высказывания. В этом плане, на наш взгляд, показательны и результаты исследования И.Ю.Граневой о соотношении представленных в словарях значений и выявленных употреблений (см. таблицу 2.1. на с. 313), значительно превосходящих количество ЛСВ личных местоимений.

6. **О лексикализации и субстантивации.** Данные процессы в той или иной степени связаны с понятием *семантической деривации*, под которой соискатель понимает механизм, существующий в «голове» носителя языка и позволяющий ему логически выводить семантику одного слова из семантики другого (с. 98). Однако, на наш взгляд, семантическая деривация как процесс образования вторичной единицы не однороден, что в принципе подтверждает и соискатель на материале лексикализации и субстантивации. В случае лексикализации, согласно И.Ю.Граневой, мы «не имеем перехода личного местоимения в другую часть речи» (с. 106), т.е. семантическая деривация предстает как *синтаксическая деривация*. В случае субстантивации, по мнению соискателя, «местоимение переходит в полноценное несклоняемое существительное, с соответствующими грамматическими признаками» (с. 106) , т.е. семантическая деривация предстает как *лексическая деривация*.

Данное разграничение, хотя и нетрадиционно у соискателя в отношении термина «лексикализация», вполне логично, но требует уточнения в отношении видов субстантивации, а также связи лексикализации и субстантивации в авторском понимании с традиционной лексикографической практикой. *О какой субстантивации идет речь – полной, частичной или контекстуальной? Имеют ли личные местоимения полную субстантивацию?*

Результаты лексикализации, имеющей, по словам соискателя, функциональный характер, должны включаться в словарную статью того личного местоимения, ЛСВ которого «актуализуется» в употреблениях, не делающих их смыслы лексической семантикой. Однако субстантивация местоимений, приводящая их употребление к лексической семантике, должна иметь самостоятельную словарную статью, представленной новым ЛСВ. В представленном лексикографическом портретировании личных местоимений субстантивированные употребления включаются соискателем на правах части их общего лексикографического описания, т.е. оказываются в рамках одной словарной статьи с лексикализованными употреблениями. **Вопрос:** нет ли в этом некоторого противоречия, связанного с разными результатами лексикализации и субстантивации?

В качестве **обобщающего вопроса:** как соотносится «семантическая деривация» с «концептуальной деривацией» в контексте анализируемых когнитивно-дискурсивных установок когнитивной лингвистики?

7. Вопрос о взаимосвязи лексической семантики личных местоимений с типами употреблений, представленными в лексикографическом портрете того или иного личного местоимения. На наш взгляд, связь личных местоимений с лексической семантикой сочетающихся с ними слов достаточно наглядно присутствует в сочетаемости анализируемых личных местоимений с глаголами, обозначающими действие (в широком смысле) человека (лица). В случае же обозначения глаголами признаков предметов и явлений такая сочетаемость отсутствует. **Вопрос:** обнаруживают ли личные местоимения различное отношение к парадигме типов употребления? Другими словами, есть ли случаи семантической дефектности данной парадигмы в связи с разными значениями личных местоимений, которые выделяются в словарях русского языка?

Завершая отзыв, отметим, что наши рассуждения и вопросы могли явиться следствием неоднозначного понимания соискателем и рецензентом некоторых понятий и положений. Поэтому мы не претендуем на изложение некоторых вопросов анализируемой проблемы в нашем понимании.

Итак, считаю, что диссертация И.Ю. Граневой «Русские личные местоимения в свете интегрального описания языка: коммуникативно-прагматические, лингвокультурологические и когнитивно-дискурсивные аспекты» – это *самостоятельное, целостное и завершённое исследование*, связанное с осмыслением актуальной лингвистической проблемы. Оно решает важную научно-практическую задачу описания личных местоимений в аспекте антропоцентрического подхода к их описанию. Представленные аспекты в своем единстве позволяют получить комплексные знания, отражающие многоаспектность описания личных местоимений как важнейшего класса слов в русском языке. Диссертация вносит значимый научно-практический вклад в теорию и практику современных коммуникативно-прагматических, лингвокультурологических и когнитивно-дискурсивных исследований в русистике. Задачи, решаемые в работе, систематизированы и сориентированы на достижение цели, а полученные результаты имеют как теоретическую значимость, так и практическую ценность. Общие выводы в целом закономерны, подтверждены языковым материалом и отражают положения, выносимые на защиту.

Автореферат и отраженные в нем 62 публикации, среди которых 19 публикаций входят состав рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК РФ, а также индексируемых в международных базах научного цитирования Web of Science и Scopus. Они соответствуют проблематике и отражают различные аспекты исследования. Полученные И.Ю. Граневой научные результаты соответствуют паспорту заявленной специальности 10.02.01 – русский язык.

Всё изложенное свидетельствует о том, что диссертационное исследование «Русские личные местоимения в свете интегрального описания языка: коммуникативно-прагматические, лингвокультурологические и когнитивно-дискурсивные аспекты», представленное к защите по специальности 10.02.01 – русский язык на соискание ученой степени доктора филологических наук, отвечает требованиям пп. 9-14 действующего

Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а его автор, Ирина Юрьевна Гранева, *заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык.*

Шарандин Анатолий Леонидович
Доктор филологических наук
(специальность 10.02.01 – русский язык),
профессор, профессор кафедры русского языка
Тамбов, 5 сентября 2022 г.

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
Адрес: 392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
Тел.: 8 (4752) 72-34-34; e-mail: post@tsutmb.ru, адрес официального сайта:
<http://www.tsutmb.ru/>
8-910-755-1739
sharandin@list.ru

Против включения персональных данных, заключенных в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшей обработки, не возражаю.

